

В МИРЕ МУЗ

Салтыков-Щедрин

Ленинградская правда. - 1989. - 21 сент.

И МУЗЫКА

Отец не многие знают, что грозный администратор, суровый редактор «Отечественных записок» великий писатель России М. Е. Салтыков-Щедрин был тонким знатоком музыки. Еще в лицейские годы он научился играть на фортепиано, затем усовершенствовался под руководством жены, хорошей пианистки. И в доме № 60 на Литейном, где прошли последние 13 лет жизни писателя, и в подмосковном имении Витнево был рояль. Е. И. Жуковская, жена публициста «Современника» Ю. Г. Жуковского, участница слепцовской коммуны, вспоминала, как чета Салтыковых исполняла переложенные для фортепиано симфонии Гайдна и любимейшего композитора Щедрина — Бетховена: «Играл он со своей обычной суровой серьезностью, соблюдая все оттенки, добросовестно останавливаясь на ошибках, исправляя их...», Бетховену посвящены пронзительные строки в «Губернских очерках». Покидая Крутогорск, герой книги испытывает смешанное, трудно объяснимое чувство, и в душе его «раздаются звуки анданте пасторальной сонаты Бетховена». Писатель высоко ценил также Моцарта, Вебера, Берлиоза...

Всю жизнь Салтыков-Щедрин не мыслил своего бытия вне театра и музыки. Бятка, Тверь, Москва, Петербург, Париж, Баден — в этих и других городах писатель живо интересовался музыкой. Много внимания уделял он исполнительскому мастерству. Имена Патти, Лукка, Виардо, Рубини,

Тамбурины, многие другие нередко встречаются в его сочинениях. Знатоки русской и европейской музыки писатель оставил нам множество незабываемых страниц, посвященных опере, балету, симфонии. Он любил концерты у С. П. Боткина (Загородный проспект, 22), где играли А. Г. Рубинштейн и Л. С. Ауэр, с юных лет был страстно связан к итальянской опере, «таким ее шедеврами, как «Норма» и «Пуритане» Беллини, «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, и особенно к творениям Россини. Постановку «Карла Смелого» («Вильгельм Телль») в Большом театре (ныне на его месте Консерватория) писатель оценивал с полным знанием дела как событие современной общественной жизни, он знал ее «почти наизусть», не раз наслаждался «бессмертными ее красотами». Вспоминая годы молодости с их духовными интересами и надеждами, Салтыков-Щедрин говорил, что это «нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь». Бесспорно, что этот эстетический заряд помог писателю выстоять в годы «вятского плена». Впоследствии именно он дал глубокий анализ театральной жизни Петербурга.

Музыкальные образы интересно использованы писателем в сатире («Помпадурши и помпадурши»), и в очерках об искусстве, и в полемике. Музыка преобразует хотя бы на время многих вполне заурядных героев книг, в том числе одного из персонажей «Запу-

танного дела» — производит в его душе переворот, воскрешает в памяти лучшие дни жизни, образы природы, преодолевает «горькое настроение духа». Писатель высоко ставил очищающее и возвышающее воздействие музыки на человека, умел точными и емкими словами охарактеризовать сущность произведений и даже показать постепенное перерастание отдельных звуков в мощный оркестр: «Загудели контрабасы, тоскливо жаловались нежные флейточки, назойливо рвали душу скрипки, отрывисто и сухо командовал барабан». Множеством строк о музыке наполнено «Тихое пристанище» — одна из самых лирических книг. Писатель превосходно передает взаимодействие хора и оркестра в «Гугенотах» Мейербера — одной из тех опер, которые называют «жажду дела», становятся духовной опорой. «Томительно скорбные, но вместе с тем полные мужественной силы звуки» (дуэт Рауля и Валентины...). Писатель отметил приезд Верди, дирижировавшего оперой «Сила судьбы».

Театр и музыка, как и литература, сближали Михаила Евграфовича с А. Ф. Кони, С. П. Боткиным, А. Н. Ераковым, Н. Н. Ге, Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым и другими людьми, составлявшими цвет российской интеллигенции. На «вторниках» у инженера А. Н. Еракова Щедрин встречался с художниками, музыкантами, артистами.

Щедрин был очень сдержан в оценках современной рус-

ской музыки. Однако он высоко оценил «блестящую плеяду молодых русских композиторов» («Недоконченные беседы»), находивших новые формы, умевших гередавать тончайшие переживания. Писатель ревностно следил за успехами русской музыки и театра.

В «Недоконченных беседах» Салтыков-Щедрин со всей страстью выступил против натурализма и псевдоноваторства в музыке, создав образы самовлюбленного, капризного музыканта и его восторженного покровителя-критика. Следует со всей решительностью подчеркнуть, что Неуважай-Корыто и Василий Иванович — вовсе не Стасов и Мусоргский, как безосновательно считают некоторые исследователи. Писатель был выше подобных нападок. Конечно, требования его к искусству были очень высоки: он не выносил рутинности, напыщенности, излишней театральности, плохой дикции, выше всего ставя экспрессию и выразительность.

В сочинениях Щедрина музыка бывает в полном смысле слова персонажем (от провинциальных романсов до Бетховена). Музыкальные «Невинные рассказы» — изумительный «фресковый» цикл из 10 произведений, особенно «Развешенное житье» и «Святочный рассказ», в которых много от русской песни, — ее очень любил и знал Салтыков-Щедрин. Знаменательна мысль писателя о том, что песни, былины, сказки дают представление об Отечестве.

Эстетика М. Е. Салтыков-Щедрина принадлежит к непреходящим ценностям нашей духовной культуры, она помогает постигать глубинные процессы, происходящие во всех видах искусства, отделять главное, общечеловеческое от временного, сиюминутного, учить мыслить широко и смело.

В. ИСАЧЕНКО